

На правах рукописи

Рожкова Марина Александровна

**ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ
ГРАЖДАНСКОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА:
ПОНЯТИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ, ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Специальности:

12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право

12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2010

Диссертация выполнена в Исследовательском центре частного права
при Президенте Российской Федерации

- Научный консультант доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
Витрянский Василий Владимирович
- Официальные оппоненты доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
Жуйков Виктор Мартенианович
- доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
Красавчикова Лариса Октябрьевна
- доктор юридических наук, профессор
Скворцов Олег Юрьевич
- Ведущая организация **Уральская государственная юридическая
академия**

Защита состоится 18 июня 2010 г. в 12.00 часов на заседании Диссертационного совета по юридическим наукам Д 502.006.15 в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (117606, г. Москва, проспект Вернадского, д. 84, первый учебный корпус, аудитория 2283).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

В.В. Зайцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Отличительной чертой современного развития общества является возрастание объема отношений, которые регулируются правом. Это повышает значимость научного исследования не только самих правовых отношений, но и соответствующих «кирпичиков», образующих основу, фундамент этих отношений – юридических фактов.

Юридические факты, значимые для гражданских правоотношений, изучаются отечественной наукой гражданского права, причем теория юридических фактов гражданского права признается одной из важнейших, основополагающих для цивилистики. Общие положения этой теории используются при разработке конкретных гражданско-правовых институтов, при этом потребности отдельных правовых институтов нередко приводят к постановке и разрешению некоторых проблем юридических фактов: в частности, это имеет место в рамках учения о сделке, при исследовании вопросов возникновения права собственности.

В советский период развития отечественной цивилистики проводились основательные исследования в области юридических фактов, и в 50-х годах прошлого столетия О.А. Красавчиковым была разработана теория юридических фактов гражданского права, ставшая основополагающей.

Впоследствии в отдельных научных работах так или иначе затрагивались вопросы юридических фактов гражданского права, но в целом указанная теория дальнейшего развития не получила. В то же время по вопросам юридических фактов накоплено много ценных сведений, которые требуют анализа, обобщения и дальнейшей разработки с учетом интенсивного обновления отечественного гражданского законодательства, развития гражданских правоотношений, усложнения гражданского оборота и расширения возможностей частных лиц по осуществлению и защите собственных прав.

Более того, в условиях все возрастающей значимости вопроса эффективности защиты субъективных гражданских прав частных лиц (защиты, которая допускает как внесудебный, так и судебный порядок осуществления) явно недостаточно исследований лишь юридических фактов гражданского права. Проблемы судебной защиты гражданских прав требуют глубокого

изучения не только юридических фактов гражданского права, но и процессуальных юридических фактов – юридических фактов арбитражного процессуального и гражданского процессуального права.

Указанное связано с тем, что в некоторых случаях реальное жизненное обстоятельство становится юридическим фактом гражданского права и влечет гражданско-правовые последствия только при условии, что это действие стало процессуальным юридическим фактом (так, течение срока исковой давности прерывает предъявление иска в порядке, установленном процессуальным законодательством). И напротив, юридический факт гражданского права нередко является предпосылкой совершения процессуального действия, ведущего к наступлению процедурных последствий (например, заключение мирового соглашения лишает судебное разбирательство предмета рассмотрения, что дает основания для прекращения судом производства по делу и влечет прекращение процессуальных правоотношений). Зачастую для определения правового результата совершенного действия необходима точная квалификация этого действия в качестве юридического факта гражданского права или процессуального юридического факта (в частности, заявленные в судебном процессе возражения могут носить как материально-правовой, так и процессуальный характер, что предreshает их юридические последствия). Необходимо учитывать и существование ряда юридических фактов, которые влекут наступление юридических последствий одновременно и в области гражданско-правовых, и в области процессуальных правоотношений (например, положительное судебное решение по преобразовательному иску влечет модификацию гражданского правоотношения и одновременно – прекращение процессуальных правоотношений) и т.д.

Между тем процессуальные юридические факты, сравнительно недавно ставшие самостоятельным объектом научных изысканий (ранее они изучались главным образом в связи с рассмотрением динамики гражданского процессуального правоотношения), сегодня, как и прежде, исследуются исключительно для целей разработки отдельных институтов арбитражного процессуального и гражданского процессуального права. При этом несмотря на то, что комплексная разработка теории юридических фактов гражданского процессуального права была осуществлена В.В. Ярковым еще в начале 90-х

годов, в условиях обновившегося гражданского процессуального законодательства, сформировавшегося арбитражного процессуального права и развившегося законодательства о третейском разбирательстве в большинстве научных работ рассматриваются лишь некоторые вопросы процессуальных фактов, тогда как теория процессуальных фактов в целом не получает развития.

Вследствие сказанного существующая теория процессуальных фактов нуждается в основательной разработке, причем не в изолированности от результатов исследования проблем юридических фактов гражданского права, а в сопоставлении с ними.

Таким образом, междисциплинарное исследование теорий юридических фактов гражданского и процессуального права в сопоставительном аспекте обосновано потребностями правовой науки и определено логикой ее развития. Актуальность проведения такого исследования обусловлена следующим.

Во-первых, основательная разработка юридических фактов, значимых для эффективной судебной защиты субъективных гражданских прав, в условиях современного развития права неосуществима, если она ограничена исследованиями в рамках одной дисциплины.

Во-вторых, научная ценность подобного междисциплинарного исследования заключается в создании основ для разрешения не только проблем юридических фактов гражданского и процессуального права, но и вопросов, появляющихся «на стыке» цивилистики и науки процессуального права. Кроме того, только такое исследование позволяет глубоко изучить сложно разграничиваемые правовые явления гражданского и процессуального права.

В-третьих, глубокое исследование вопросов юридических фактов гражданского и процессуального права сегодня невозможно без рассмотрения упомянутых отраслевых теорий в сопоставительном аспекте, поскольку решение проблемы, предложенное в рамках, например, теории юридических фактов гражданского права, может быть использовано для получения весьма удовлетворительного результата устранения аналогичной проблемы применительно к процессуальным юридическим фактам. Но это не предполагает упрощенный подход, при котором попросту заимствуются идеи или конструкции, – допустимость их восприятия в каждом случае должна быть подвергнута критической оценке.

В-четвертых, результатом исследования названных теорий в сопоставительном аспекте является взаимодействие этих теорий, которое позволяет глубже проникнуть в сущность основных понятий, определить свойства и функции отраслевых юридических фактов, произвести их классификации, а также, что весьма важно, выдвинуть и обосновать либо проверить выводы общетеоретического характера.

В-пятых, без изучения теорий юридических фактов гражданского и процессуального права в сопоставительном аспекте невозможно выявить и оценить существующие различия между названными теориями, обусловленные спецификой каждой из наук и соответственно – спецификой юридических фактов, входящих в предмет этих наук. Между тем такие различия могут стать основанием для выдвижения в одной отраслевой теории юридических фактов концепций и конструкций, не характерных для другой отраслевой теории, то есть стать источником саморазвития (самодвижения) каждой из этих теорий.

В-шестых, нередко только применение теорий юридических фактов гражданского и процессуального права во взаимодействии позволяет определить действительную правовую природу юридических фактов. При этом такое взаимодействие позволяет выявить и обосновать существование класса юридических фактов особого рода (*sui generis*), обладающих значимостью одновременно и в сфере гражданского, и в сфере процессуального права.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема юридических фактов не является новой для правовой науки.

Основателем учения о юридических фактах считается германский правовед Ф.К. Савиньи, который в 1840 г. ввел в научный оборот термин «юридический факт». Это учение затем получило развитие в трудах известных германских цивилистов, в частности, Г. Дернбурга, А. Манигка, Л. Эннексеруса.

В российском дореволюционном праве названной проблематике уделялось серьезное внимание. Различные вопросы юридических фактов становились предметом научных исследований, в частности, таких ученых как К.Н. Анненков, Е.В. Васьковский, Д.Д. Grimm, Г.Ф. Дормидонтов, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, Л.И. Петражицкий, В.И. Синайский, Ф.В. Тарановский, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич.

Характеризуя современное состояние научного знания в рассматриваемой области, следует отметить существующее как и прежде разделение проводимых исследований на имеющие общетеоретический характер (что предопределяет изучение понятия и видов юридических фактов, анализ их связи с правовыми отношениями) и носящие отраслевой характер (предполагающие анализ прежде всего особенностей отраслевых юридических фактов и юридических составов).

Глубокие исследования юридических фактов проводились учеными в области общей теории права (С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, В.Б. Исаков, С.Ф. Кечекьян), гражданского права (О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Ю.К. Толстой), гражданского процессуального права (П.Ф. Елисейкин, Н.Б. Зейдер, А.Ф. Клейнман, Е.А. Крашенинников, Н.А. Чечина, В.Н. Щеглов, В.В. Ярков).

Изучению проблем отдельных видов юридических фактов гражданского права уделено внимание в трудах таких ученых-цивилистов, как М.М. Агарков, В.В. Витрянский, Б.М. Гонгало, Ю.И. Гревцов, В.П. Грибанов, Л.О. Красавчикова, О.Ю. Скворцов, В.П. Шахматов, В.Ф. Яковлев. Вопросы процессуальных юридических фактов нашли отражение в трудах таких ученых-процессуалистов как М.А. Гурвич, Н.Г. Елисейев, В.М. Жуйков, С.К. Загайнова, К.И. Комиссаров, Ю.К. Осипов, М.С. Шакарян, М.К. Юков.

Вместе с тем с момента проведения наиболее крупных исследований по теории юридических фактов гражданского права (50-е годы прошлого столетия) и процессуальных юридических фактов (90-е годы прошлого столетия) перед правовой наукой был поставлен ряд новых вопросов, которые пока не нашли решения. При этом многие из них могут быть разрешены только по результатам межотраслевого исследования теорий юридических фактов гражданского и процессуального права в сопоставительном аспекте, которое до настоящего времени в отечественном правоведении не проводилось.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является разработка современных теорий юридических фактов гражданского права и процессуальных юридических фактов с учетом взаимодействия указанных теорий.

Достижению указанной цели способствовало формулирование и разрешение следующих задач:

- изучить предпосылки формирования исследуемых отраслевых теорий юридических фактов, оценить их развитие и современное состояние;
- определить, в какой мере рассматриваемые теории соответствуют действующему российскому законодательству и правовой доктрине;
- дать оценку восприятия этих теорий отечественным законодательством и правоприменительной практикой;
- дать характеристику юридических фактов гражданского права и процессуального права, их функций, их классификаций;
- исследовать правовые результаты (юридические последствия) исследуемых юридических фактов и комплекс общих предпосылок, необходимых для наступления этих правовых результатов;
- изучить предпосылки и эффекты юридических составов;
- проанализировать различия между дефектностью и недействительностью юридических фактов;
- изучить результаты взаимодействия исследуемых отраслевых теорий юридических фактов (применительно к разработке и применению этих теорий) и сформулировать концептуальные основы такого взаимодействия.

Объект исследования составили учения о юридических фактах гражданского права, а также арбитражного процессуального и гражданского процессуального права. **Предметом исследования** стали понятия и классификации названных юридических фактов в сопоставительном аспекте, а также основы взаимодействия теорий юридических фактов гражданского права и процессуальных юридических фактов.

Методологической основой исследования являются общенаучные методы (системно-структурный метод, метод аналогии, общие логические приемы: анализ и синтез, индукция и дедукция), а также специальные методы юридического исследования (сопоставительный метод, метод экстраполяции, формально-юридический метод и др.).

Нормативной базой исследования стали нормы российского гражданского, гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства, а также законодательства о третейском разбирательстве. **Эмпирическую базу исследования** составили отечественные законодательные и

иные нормативные правовые акты, проекты законодательных актов, материалы судебной и судебно-арбитражной практики.

Теоретической основой исследования стали разработки дореволюционного, советского и современного периода по общей теории права, теории гражданского права, теории арбитражного процессуального и гражданского процессуального права, вопросам арбитража (третейского разбирательства), что обусловлено междисциплинарным характером настоящего диссертационного исследования.

Прежде всего, необходимо отметить монографические исследования О.А. Красавчикова, содержащие анализ основных категорий и разрешающие основные вопросы теории юридических фактов гражданского права в целом.

Теоретическую основу настоящего исследования составили достижения отечественной юридической науки, нашедшие выражение в трудах, в частности, таких ученых, как Т.Е. Абова, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, М.М. Агарков, М.И. Брагинский, Е.В. Васьковский, В.В. Витрянский, В.М. Гордон, В.П. Грибанов, Д.Д. Гримм, М.А. Гурвич, Г.Ф. Дормидонтов, Н.Г. Елисеев, В.С. Ем, В.М. Жуйков, Н.Б. Зейдер, О.С. Иоффе, В.Б. Исаков, В.Л. Исаченко, С.Ф. Кечекьян, Н.И. Клейн, А.Ф. Клейнман, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, Е.А. Нефедьев, И.Б. Новицкий, Ю.К. Осипов, И.С. Перетерский, К.П. Победоносцев, И.А. Покровский, В.А. Рахмилович, В.А. Рязановский, В.А. Рясенцев, О.Н. Садилов, В.И. Синайский, О.Ю. Скворцов, Ю.К. Толстой, Е.Н. Трубецкой, Л.В. Туманова, И.М. Тютрюмов, Р.О. Халфина, В.Н. Хвостов, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот, М.С. Шакарян, В.П. Шахматов, Г.Ф. Шершеневич, В.Н. Щеглов, М.К. Юков, В.Ф. Яковлев, В.В. Ярков и др.

Ограничения объема диссертационной работы, а также необходимость изучения и анализа значительного числа научных работ одновременно по различным дисциплинам (общей теории права, теории гражданского права, теории арбитражного процессуального и гражданского процессуального права, вопросам третейского разбирательства), обусловленная междисциплинарным характером настоящей диссертации, исключили возможность проведения сравнительно-правового исследования. Вследствие этого основой настоящего диссертационного исследования стали теоретические разработки российских правоведов.

Научная новизна диссертационного исследования predetermined отсутствием в отечественной правовой науке комплексных междисциплинарных исследований вопросов юридических фактов гражданского и процессуального права. Настоящая диссертационная работа – первый в современных условиях опыт целостного рассмотрения и анализа указанных теорий с использованием сопоставительного метода исследования, влекущего помимо прочего взаимодействие этих теорий.

Использование нового для отечественной правовой науки методологического направления исследования позволило разработать теоретические положения, совокупность которых существенно развивает теории юридических фактов гражданского и процессуального права. К наиболее важным теоретическим положениям, отстаиваемым в диссертации, относятся следующие положения, которые выносятся на защиту.

1. В диссертационном исследовании обосновано, что выявление общего и особенного в теориях юридических фактов гражданского и процессуального права требует использования нетрадиционного для отечественных юридических изысканий сопоставительного метода исследования. Бинарное сопоставление указанных теорий юридических фактов позволяет обнаружить и проанализировать различия между ними, обусловленные особенностями цивилистики и науки цивилистического процесса и соответственно – спецификой юридических фактов, а также оценить взаимодействие между данными теориями, проявляющееся в результате использования названного метода.

2. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что эффективная разработка юридических фактов гражданского и процессуального права требует разграничения понятий «правовая модель обстоятельства» и «юридический факт», которые сегодня в большинстве научных работ обозначаются одним термином «юридический факт».

Правовая модель обстоятельства – это абстрактное (типичное) обстоятельство, указание на которое содержится в норме права и с которым норма права связывает возможность наступления определенных последствий. Это закрепленный в законодательстве прототип юридического факта,

устанавливаемый для целей формулирования общего правила, рассчитанного на неопределенный круг лиц и неограниченное число случаев.

Юридический факт – действительно наступившее конкретное жизненное обстоятельство (действие или событие), существующее в пространстве и времени и подпадающее под действие соответствующей нормы права.

С учетом сказанного понятие «юридический факт» определяется как реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого норма права связывает наступление соответствующих юридических последствий.

3. Проведенные исследования позволили заключить, что к последствиям наступления юридического факта гражданского права следует относить не только движение гражданского правоотношения (его возникновение, изменение и прекращение), но и последствия реализации гражданской правосубъектности, а также последствия защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав.

Сопоставление правовых результатов юридических фактов гражданского права и процессуальных юридических фактов позволило выявить отличия между ними. К последствиям наступления процессуального юридического факта (то есть процедурным последствиям) помимо движения процессуального правоотношения (элементарного процессуального отношения или сложного процессуального отношения) нужно относить последствия реализации процессуальной правосубъектности сторон или компетенции государственного суда (это не движение процессуального правоотношения, но его функционирование, нормальное развертывание) и последствия защиты нарушенных процессуальных прав.

4. В диссертационном исследовании обосновывается позиция, согласно которой процессуальное действие одного участника судебного процесса не допускает его рассмотрение в качестве процедурного результата процессуального действия другого участника этого процесса.

Это обусловлено тем, что последовательность (поочередность) совершения юридически значимых действий характерна для всякой процедуры, в том числе и не носящей охранительный характер, например, процедуры заключения договора, процедуры публичных торгов, процедуры регистрации права на недвижимое имущество. Судебному процессу, как форме процессуальных

правоотношений, также свойственна поочередность совершения процессуальных действий. При этом всякое процессуальное действие участника судебного процесса влечет соответствующий процедурный результат (в виде движения или нормального развертывания процессуального правоотношения либо последствия защиты нарушенных процессуальных прав), но не процессуальное действие другого участника этого процесса.

5. В результате проведенных исследований сделано заключение о том, что подведомственность и подсудность являются не самостоятельными процессуальными юридическими фактами (производными юридическими фактами), а элементами состава процессуального юридического факта. Это заключение основано на понимании состава юридического факта как жизненного обстоятельства в единстве с условиями его наступления, требование о которых вытекает из нормы права и при наличии которых такое обстоятельство признается юридическим фактом и влечет установленные юридические последствия.

6. В диссертации обосновывается позиция, согласно которой всякое правоотношение, включая гражданское и процессуальное правоотношения, не может признаваться юридическим фактом (фактом-правоотношением) и, следовательно, входить в качестве элемента в юридический состав. Это обусловлено тем, что категория «правоотношение» представляет собой самостоятельную фундаментальную правовую категорию, которая не является тождественной категории «юридический факт».

7. Сделан вывод о том, что для возникновения правового результата необходимо не только наступление юридического факта, но также обязательно наличие ряда общих предпосылок, которые сами по себе юридических последствий не создают.

В число общих предпосылок наступления юридических последствий входят: норма гражданского права, которая устанавливает правовую модель обстоятельства и определяет последствия ее наступления; гражданская правосубъектность, которая объединяет гражданскую правоспособность и дееспособность; в некоторых случаях – гражданское правоотношение.

В отличие от общих предпосылок наступления юридических последствий к общим предпосылкам наступления процедурных последствий относятся: норма

процессуального права, которая устанавливает правовую модель обстоятельства и предусматривает процедурные последствия его наступления; процессуальная правосубъектность участвующих в деле лиц (объединяющая процессуальные правоспособность и дееспособность); компетенция государственного суда (как круг установленных законом властных полномочий органов государства, должностных лиц и иных организаций, которые в то же время являются их обязанностями); нередко – процессуальные правоотношения; в некоторых случаях – юридические факты гражданского права.

8. В диссертации обоснована необходимость разграничения двух разновидностей завершения юридического состава: эффекта поглощения одного элемента юридического состава другим и эффекта накопления юридического состава. С учетом этого нового для российской правовой доктрины заключения сделан вывод о том, что юридические и процедурные последствия возникают вследствие эффекта поглощения или эффекта накопления, который проявляется по наступлении завершающего юридический или процессуальный состав обстоятельства и представляет собой скачкообразный переход юридического или процессуального состава из незавершенного состояния в завершенное.

9. Предложена новая концепция «волевой» классификации юридических фактов гражданского права. Первый уровень предполагает разграничение в зависимости от наличия проявления воли на юридические события и юридические действия. На втором уровне в рамках данной классификации предлагается разделять юридические действия в зависимости от соответствия изъявлений воли общим дозволениям права на дозволенные (действия, относительно которых существует общее дозволение закона) и недозволенные (то есть действия, в отношении которых имеется прямой запрет закона). На третьем уровне подразумевается разграничение всех дозволенных действий в зависимости от характера волеизъявления сторон на двух(много)сторонние сделки (действия, требующие встречного волеизъявления двух или более сторон) и односторонние действия (действия, для совершения которых достаточно волеизъявления одной стороны). Четвертый уровень предполагает разграничение односторонних действий в зависимости от направленности воли на юридические последствия на юридические акты (действия, направленные на движение гражданского правоотношения); юридические поступки (действия,

направленные на реализацию гражданской правосубъектности или защиту нарушенных субъективных гражданских прав); результативные действия (действия, не направленные на создание юридических последствий, с результатом совершения которых закон связывает юридические последствия). Пятый уровень предусматривает деление юридических актов в зависимости от степени формализации волеизъявления на односторонние сделки (действия, воля на совершение которых складывается свободно); публичные акты (действия, подразумевающие обязанность волеизъявления).

10. Сделан вывод о том, что процессуальные действия – это всегда односторонние волеизъявления участников судебного процесса. В тех случаях, когда стороны по делу совершают совместное процессуальное действие, такое действие является не двусторонним (в котором волеизъявления носят взаимно направленный (встречный) характер и, совпадая, образуют единый волевой акт), а односторонним (в котором волеизъявления носят сонаправленный характер и всегда адресованы государственному суду). Это позволяет выделять односторонние волеизъявления, совершаемые одним участвующим в деле лицом, и односторонние волеизъявления, совершаемые несколькими лицами, интерес которых направлен к общей цели (сонаправлен).

11. Проведенное исследование дало основания для вывода о том, что установление, продление, ограничение, соблюдение или несоблюдение срока, сознательно и целенаправленно совершаемые человеком (и, безусловно, зависимые от воли человека), представляют собой элементы состава юридического или процессуального факта. Эти элементы не могут рассматриваться в качестве самостоятельных юридических или процессуальных фактов, поскольку сами по себе никаких юридических или процедурных последствий не порождают.

Вместе с тем наступление срока в рамках гражданского правоотношения есть самостоятельный юридический факт гражданского права (относительное юридическое событие), тогда как истечение процессуального срока в рамках процессуального правоотношения самостоятельным процессуальным юридическим фактом не является – это элемент состава процессуального юридического факта, который сам по себе не влечет процедурных последствий.

12. Проведенное исследование позволило в классификации процессуальных юридических фактов по «волевому» критерию определить содержание понятий «процессуальные акты» и «процессуальные поступки»: под процессуальными актами следует понимать действия, направленные на движение процессуального правоотношения, тогда как под процессуальными поступками – действия, направленные на реализацию процессуальной правосубъектности или компетенции государственного суда и защиту нарушенных процессуальных прав.

13. В диссертации сделано заключение о том, что взаимодействие теорий юридических фактов гражданского и процессуального права проявляется в двух аспектах. Во-первых, названные отраслевые теории взаимодействуют (согласованно воздействуют друг на друга) при их разработке в сопоставительном аспекте, результатом чего становится взаимообогащение и развитие этих теорий. Во-вторых, взаимодействие этих отраслевых теорий проявляется при их комплексном применении для цели определения правовой природы юридических фактов, что позволяет решать конкретные задачи, встающие перед отечественной правовой наукой и правоприменительной практикой.

14. В работе доказывается необходимость выделения группы юридических фактов особого рода (*sui generis*), создающих юридические последствия и в сфере гражданских, и в сфере процессуальных правоотношений. Признание за такими фактами двойственного характера правового результата обосновывает потребность в проведении специальных междисциплинарных исследований таких фактов, что создаст предпосылки для повышения эффективности судебной защиты прав частных лиц.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что использование нетрадиционного для юридических изысканий сопоставительного метода способствовало получению нового цельного знания о юридических фактах гражданского и процессуального права. Новое для отечественной правовой науки методологическое направление научного исследования позволило сформулировать положения, совокупность которых существенно развивает теории юридических фактов гражданского и процессуального права. Результаты работы могут быть использованы в

дальнейшей научной разработке как общей, так и отраслевых теорий юридических фактов, а также в учебном процессе при чтении лекций и проведении семинарских занятий по гражданскому, арбитражному процессуальному и гражданскому процессуальному праву.

Практическое значение диссертационного исследования. Теоретические выводы и предложения, сформулированные в диссертации, могут быть использованы при совершенствовании действующего гражданского, арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства, при разработке высшими судебными инстанциями разъяснений по вопросам практики применения указанного законодательства, непосредственно в правоприменительной практике.

Апробация работы и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы изложены автором в монографиях: «Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения», выпущенной с грифом Исследовательского центра частного права (изд-во «Статут», 2009 г.), «Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора» (изд-во «Волтерс Клувер», 2006 г.), «Мировая сделка: использование в коммерческом обороте» (изд-во «Статут», 2005 г.), а также в ряде других книг и статей, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России. Всего автором диссертации опубликовано более 140 научных работ, общий объем которых превышает 360 печатных листов.

Внедрение результатов исследования и их апробация на практике связаны с деятельностью автора диссертации в качестве члена рабочей группы, подготовившей проект Концепции совершенствования Общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, который был рекомендован к опубликованию 11 марта 2009 г. на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства; а также в качестве члена рабочей группы, готовящей проект федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок».

Материалы и выводы, полученные в результате проведенного диссертационного исследования, использовались автором в практической

деятельности при подготовке экспертных заключений на проекты законов и концепций законов в Исследовательском центре частного права при Президенте Российской Федерации. Некоторые результаты проведенных исследований нашли отражение в разъяснениях практики применения законодательства, данных арбитражным судам Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, использованы при подготовке экспертных заключений для Конституционного Суда Российской Федерации.

Кроме того, материалы исследований, а также полученные результаты использовались автором в рамках участия в реализации совместного проекта Европейского Союза и Высшего Арбитражного Суда РФ «Содействие системе арбитражных судов Российской Федерации» (2004-2006 гг.), что нашло отражение в изданной автором в рамках этого проекта монографии «Разрешение и урегулирование коммерческих споров. Исполнение судебных актов» (Европейская комиссия, 2006 г.). Также материалы исследований и сформулированные выводы были использованы в учебном процессе: при чтении лекций для судей арбитражных судов и помощников судей, работников федеральных органов власти.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех частей, объединяющих шесть глав, заключения, списка нормативных правовых актов и литературы, использованных при написании работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность, научная новизна избранной темы, определяются степень научной разработанности темы, предмет, цель и задачи исследования, излагаются методологическая и теоретическая базы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

В первой части диссертационного исследования в двух главах изложены общие положения о юридических фактах гражданского права.

В главе 1 «Юридический факт и юридический состав» обоснованы следующие выводы.

1. Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости четкого разграничения понятий «правовая модель обстоятельства» и «юридический факт», которые сегодня обозначаются одним термином «юридический факт».

Правовая модель обстоятельства – это абстрактное (типичное) обстоятельство, указание на которое содержится в норме права и с которым норма права связывает возможность наступления определенных последствий. Иными словами, правовая модель обстоятельства – это закреплённый в норме права прототип юридического факта. Норма права не может закреплять в гипотезе указание на конкретное жизненное обстоятельство: нормы права представляют собой общие правила, рассчитанные на неопределённый круг лиц и неограниченное число случаев, поэтому они абстрагированы от конкретных случаев и формулируются, исходя из модели обстоятельства.

Юридический факт традиционно понимается как действительно существующее жизненное обстоятельство – явление или процесс. Он представляет собой не абстрактную модель, предусмотренную гипотезой нормы права, а определённое реальное обстоятельство, проявившееся в пространстве и времени, поистине существующее и подпадающее под действие соответствующей нормы права. Не наступившее обстоятельство не может рассматриваться в качестве юридического факта – оно становится таковым лишь с момента действительного (фактического) своего наступления.

Таким образом, распространённое в литературе определение юридических фактов как «жизненных обстоятельств, с которыми норма права связывает наступление юридических последствий», содержит в себе внутреннее противоречие. Точное следование ему должно бы приводить к абсурдной ситуации, в которой норма права не устанавливает модель обстоятельства, а перечисляет все реальные жизненные явления или процессы (которые к этому времени должны произойти) и называет юридическое последствие каждого из них.

С учетом сказанного юридический факт в гражданском праве определен как реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого гражданское право связывает определённые юридические последствия и фактическое

наступление которого влечет такие последствия в сфере гражданских правоотношений.

2. В отечественной цивилистике возобладало мнение, согласно которому под юридическими последствиями следует понимать только возникновение, изменение и прекращение гражданского правоотношения.

Между тем понятие «юридические последствия» гораздо шире: им охватываются гораздо более значительный круг явлений.

С учетом понимания юридических последствий как реального правового результата наступившего юридического факта к таковым должны быть отнесены: (1) движение гражданского правоотношения, то есть возникновение, изменение или прекращение правоотношения; (2) последствия реализации гражданской правосубъектности; (3) последствия защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав.

3. В норме права закрепляется только то общее, что присуще всем однородным по содержанию – типичным – процессам и явлениям, которые, произойдя в реальной жизни, станут юридическими фактами. Требование о необходимости наличия некоторых признаков (свойств, качеств, характеристик) содержится в гипотезе нормы права и может предъявляться как к самому абстрактному обстоятельству, так и к его субъектному составу или объекту.

Вследствие сказанного сделан вывод о том, что для возникновения предусмотренных правом юридических последствий явление или процесс должны не только реально наступить, но и соответствовать всем тем признакам, которые установлены нормой права применительно к правовой модели обстоятельства. Те признаки, свойства, качества, характеристики или их совокупность, относящиеся к самому реальному обстоятельству, его субъектам или объекту, входят в состав юридического факта в качестве его элементов.

Таким образом, юридический факт представляет собой не только собственно реальное жизненное обстоятельство, но реальное жизненное обстоятельство, отвечающее установленным в норме права требованиям и в силу этого подпадающее под ее действие. Следовательно, состав юридического факта должен определяться как жизненное обстоятельство в единстве с условиями его наступления, требование о которых вытекает из нормы права и при наличии

которых такое обстоятельство будет признано юридическим фактом и повлечет установленные юридические последствия.

4. Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости разграничивать ситуации, когда (1) отсутствует признак, свойство или условие наступления жизненного обстоятельства; (2) признак, свойство или условие наступления жизненного обстоятельства не соответствует предъявляемым нормой права требованиям; (3) само жизненное явление или составляющие его элементы содержат в себе явно выраженное противоречие закону.

Отсутствие какого-либо признака, свойства, условия наступления жизненного обстоятельства свидетельствует о так называемой несостоятельности юридического факта, то есть фактическом отсутствии юридического факта.

Несоответствие требованиям нормы права какого-либо признака или свойства реального жизненного обстоятельства влечет за собой дефектность элемента юридического факта и сам юридический факт рассматривается как дефектный (порочный). При этом незапрещенное несоответствие характеристик реального жизненного обстоятельства требованиям норм права позволяет поднимать вопрос относительно действительности этих юридических фактов. Но имея дефект (будучи дефектным юридическим фактом), такое жизненное обстоятельство должно рассматриваться в качестве нормального юридического факта, порождающего обычные юридические последствия до момента признания его судом недействительным (например, оспоримая сделка). С учетом сказанного дефектность юридического факта определена как незапрещенное несоответствие какого-либо признака, свойства, характеристики юридического факта требованиям нормы права.

В ситуации, когда само жизненное явление или составляющие его элементы содержат в себе явно выраженное противоречие закону, нет оснований говорить о дефектности юридического факта – это недозволенные действия (например, ничтожная сделка).

5. В российской цивилистике под юридическим составом понимается совокупность юридических фактов, в силу нормы права необходимая для наступления юридических последствий.

С учетом ранее сказанного в диссертационном исследовании указывается на необходимость специального уточнения: юридический состав охватывает самостоятельные юридические факты со всеми отличающими их признаками, свойствами, качествами и пр., относящимися как к самому обстоятельству, так и к его субъектам или объекту. Иными словами, юридический состав включает в себя два и более составов юридических фактов.

6. Проведенное исследование позволило обосновать ошибочность тезиса о том, что гражданское правоотношение может рассматриваться в качестве юридического факта. При этом была произведена классификация предпосылок наступления юридических последствий, позволившая выделить общие и частные предпосылки.

Общие предпосылки наступления юридических последствий представляют собой такие правовые явления, которые признаются нормами права общими (и обязательными) компонентами для наступления всяких юридических последствий. В их число входят: (1) норма гражданского права, которая устанавливает правовую модель обстоятельства и предусматривает последствия его наступления; (2) гражданская правосубъектность, которая объединяет гражданскую правоспособность и дееспособность; (3) иногда гражданское правоотношение, которое, как и предыдущие общие предпосылки, не может само по себе порождать юридические последствия.

Частная предпосылка наступления юридических последствий – юридический факт или юридический состав.

Юридические последствия наступают только в результате взаимодействия двух первых общих предпосылок (иногда в совокупности с третьей общей предпосылкой) с частной предпосылкой. В отсутствие частной предпосылки юридические последствия не наступают: общие предпосылки ни самостоятельно, ни в совокупности не могут влечь юридических последствий. В то же время в отсутствие необходимых общих предпосылок никакое обстоятельство не может влечь юридических последствий.

7. Изучение проблем завершеного состава позволило выявить две разновидности завершения юридического состава: эффект поглощения одного элемента юридического состава другим и эффект накопления юридического состава. С учетом этого нового для российского гражданского права заключения

сделан вывод о том, что юридические последствия возникают вследствие эффекта юридического состава (эффекта поглощения или эффекта накопления), который появляется по наступлении завершающего юридический состав обстоятельства и представляет собой скачкообразный переход юридического состава из незавершенного состояния в завершенное.

В настоящем диссертационном исследовании обосновывается позиция, согласно которой вне зависимости от того, предусматривает юридический состав поглощение юридических фактов или накопление их, наступление одного или нескольких элементов юридического состава влечет промежуточные юридические последствия только в том случае, если это предусмотрено нормой права. Таким образом, изложенная в настоящем диссертационном исследовании позиция не совпадает с высказываемыми ранее мнениями по данному вопросу.

В главе 2 «Классификации юридических фактов» обоснованы следующие выводы.

1. Проведенное исследование показало невозможность однозначного и окончательного подразделения юридических фактов на правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие и правопрепятствующие. Это обусловлено тем, что один и тот же факт в одном случае может рассматриваться как порождающий права и обязанности, в другом – как прекращающий правоотношение, в третьем – как препятствующий наступлению иных юридических фактов и т.п. Иными словами, юридические факты могут выполнять разнообразные динамические функции (или выполнять одновременно несколько функций), вследствие чего группирование юридических фактов в зависимости от выполняемой ими функции не может служить средством систематизации юридических фактов, которым является всякая классификация.

Вместе с тем с учетом ранее изложенного обоснования трех групп юридических последствий допустимо классифицировать юридические факты по критерию таких последствий (последствий наступления юридического факта), исходя из следующего.

Юридические последствия предполагают, во-первых, движение гражданского правоотношения (возникновение, изменение или прекращение правоотношения) и, во-вторых, иные юридические последствия, не предполагающие движение гражданского правоотношения (последствия

реализации гражданской правосубъектности или защиты нарушенных субъективных гражданских прав). Следовательно, в зависимости от наступающих юридических последствий юридические факты могут делиться на правозастыствующие и правопозитивные.

2. Констатируется, что в гражданском праве нашла определенное применение классификация юридических фактов на положительные и отрицательные (иначе – позитивные и негативные).

Между тем данная классификация является классификацией не юридических фактов (реальных жизненных обстоятельств), и даже не правовых моделей обстоятельств, а градацией норм права в зависимости от способа их выражения.

3. Проведенное исследование позволило по-новому классифицировать юридические факты по «волевому» критерию.

В зависимости от наличия проявления воли в юридических фактах все юридические факты разграничиваются на (1) юридические события и (2) юридические действия (первый уровень разграничения в «волевой» классификации). Поскольку юридическое действие представляет собой единство воли и волеизъявления, для всякого юридического действия недостаточно только наличия воли – воля должна себя реально проявлять. С учетом критического переосмысления «волевой» классификации и исходя из того, что «волевая» классификация зависима от особенностей внешнего проявления воли (то есть особенностей изъявления воли) предложена новая концепция этой классификации.

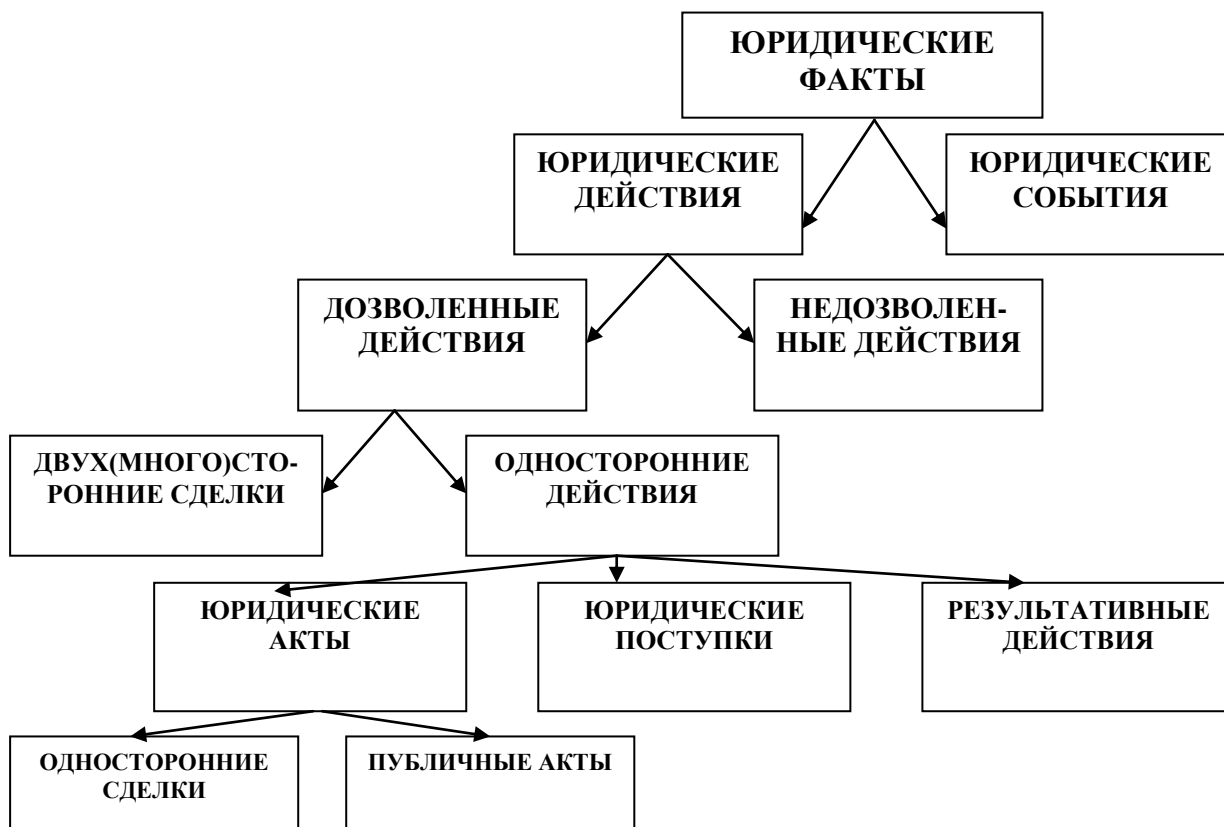
На втором уровне в рамках данной классификации предлагается разделять юридические действия в зависимости от соответствия изъявлений воли общим дозволениям права на (1) дозволенные (действия, относительно которых существует общее дозволение закона) и (2) недозволенные (то есть действия, в отношении которых имеется прямой запрет закона).

На третьем уровне подразумевается разграничение всех дозволенных действий в зависимости от характера волеизъявления сторон на (1) двух(много)сторонние сделки (действия, требующие встречного волеизъявления двух или более сторон) и (2) односторонние действия (действия, для совершения которых достаточно волеизъявления одной стороны).

Четвертый уровень предполагает разграничение односторонних действий в зависимости от направленности воли на юридические последствия на (1) юридические акты (действия, направленные на движение гражданского правоотношения); (2) юридические поступки (действия, направленные на реализацию гражданской правосубъектности или защиту нарушенных субъективных гражданских прав); (3) результативные действия (действия, не направленные на создание юридических последствий, с результатом совершения которых закон связывает юридические последствия).

Пятый уровень предусматривает деление юридических актов в зависимости от степени формализации волеизъявления на (1) односторонние сделки (действия, воля на совершение которых складывается свободно); (2) публичные акты (действия, подразумевающие обязанность волеизъявления).

Наглядно изложенное представлено в следующей схеме:

4. Характеризуя недозволенные действия, надо отметить, что под ними понимаются действия, которые нарушают гражданский оборот, вызывая потребность его восстановления, а также создающие угрозу гражданским правам частных лиц и, как следствие, требующие применения охранительных норм

права. Недозволенным является такое действие, которое прямо запрещено законом, либо это бездействие в ситуациях, когда закон прямо возлагает на субъекта обязанность совершения определенного действия (злоупотребление правом, причинение вреда, неосновательное обогащение, совершение ничтожной сделки, неправомерный односторонний отказ от исполнения договора, создание препятствий в осуществлении права собственности и т.д.).

В настоящем исследовании доказываемость недопустимость отождествления понятий «противоречие закону» и «несоответствие закону». Действие, совершение которого прямо запрещено законом в той или иной форме (прямой запрет, возложение юридической обязанности совершить позитивное действие, установление наказуемости деяния и др.) является действием, совершенным в противоречие закону, то есть недозволенным действием. Действие, совершенное с некоторыми не запрещенными нормой права несоответствиями (когда нет прямого нормативного запрета и, соответственно, норма права не устанавливает последствия нарушения этого запрета), рассматривается как действие, совершенное не в соответствии с законом. Такое действие не противоречит закону и не может быть отнесено к недозволенным – это дефектное дозволенное действие (например, оспоримая сделка).

5. В диссертационном исследовании обосновывается необходимость разграничения понятий «гражданское правонарушение» и «недозволенное действие»: первое понятие более узкое, нежели второе. Сделан вывод о том, что всякое правонарушение представляет собой недозволенное действие, однако не всякое недозволенное действие является правонарушением: гражданским правонарушением является недозволенное действие (бездействие), которое повлекло за собой причинение ущерба (имущественного или неимущественного) частному лицу или иное нарушение субъективных гражданских прав частного лица. Юридическим последствием гражданского правонарушения, повлекшего причинение ущерба частному лицу, как правило, является возникновение гражданского правоотношения – охранительного правоотношения.

Применительно к недозволенным действиям, не повлекшим причинение ущерба, сделан вывод о том, что к юридическим последствиям их совершения относятся как возникновение гражданского (охранительного) правоотношения,

так и деформация правоотношения – создание правовой неопределенности в гражданском правоотношении.

6. При характеристике дозволенных действий отмечается, что это действия, которые призваны порождать нормальные для гражданского оборота юридические последствия и требующие применения регулятивных норм. Под такими действиями следует понимать действия, относительно которых существует общее дозволение закона, то есть в действующем законодательстве отсутствует прямой запрет на их совершение (совершение сделки, издание акта государственным органом или органом местного самоуправления, проведение публичных торгов, государственная регистрация юридических лиц, вынесение решения органом юридического лица, выпуск ценных бумаг и т.д.).

Наличие общего дозволения закона не препятствует признанию судом такого рода действий недействительными в том случае, если при их совершении не были соблюдены требования правовых норм. То есть имеющие дефект дозволенные действия (дефектные юридические факты) – все те же дозволенные действия, которые могут стать предметом рассмотрения суда по иску о признании их недействительными. Положительное решение суда, которым признается недействительным дозволенное действие (сделка, публичные торги, акт государственного органа и т.д.) позволяет относиться к такому действию как к несовершенному.

7. Разграничение дозволенных действий на двух(много)сторонние сделки и односторонние действия дало основание настаивать на выявлении не только количественной (волеизъявление одной или двух сторон), но и качественной характеристики волеизъявления (необходимость наличия взаимности (или встречности) волеизъявления).

Результатом проведенного исследования стал вывод о настоятельной необходимости разграничивать число сторон правоотношения (лиц, имеющих взаимно удовлетворяемый (встречный) интерес) и число участников правоотношения (лиц, имеющих сонаправленный (а не встречный) интерес, который позволяет им вступать в правоотношение на одной стороне).

8. Проведенное исследование позволило прийти к новому для отечественного права выводу о том, что соглашения о защите прав (сделки двух и более лиц, направленные на защиту субъективных гражданских прав) могут

определять: (1) форму защиты прав (например, соглашение о подсудности, арбитражное соглашение); (2) способ защиты прав (например, мировые сделки); (3) средства защиты прав (например, соглашение об ограничении возражений).

9. Изучение результативных действий позволило заключить, что их особенностью, выделяющей их из числа прочих односторонних действий, является то, что юридические последствия наступают не в связи с совершением самого действия, а только с появлением объективированного результата этих действий (созданной вещью, произведением искусства, кладом и т.п.). Привязка юридического последствия не к самому (фактическому) действию, а к возникновению его объективированного результата позволяет утверждать, что результативные действия имеют юридическое значение вне зависимости от дееспособности совершившего их лица.

10. Изучение юридических последствий событий позволило сделать следующий вывод. Одни и те же обстоятельства в одних случаях выступают в качестве непреодолимой силы, делающей невозможным исполнение обязательства (освобождая субъекта от гражданско-правовой ответственности). В других – в качестве обстоятельства, которое при наличии всех перечисленных в ст. 451 ГК РФ условий позволяет сделать вывод о существенном изменении обстоятельств, нарушающем баланс интересов сторон (делает исполнение договора для одной из сторон экономически невыгодным) и позволяющем требовать расторжения (изменения) договора.

11. Проведенное исследование дало основания для вывода о неверности утверждений о том, что срок по своему характеру представляет собой нечто среднее между юридическим действием и юридическим событием.

С учетом этого сделан вывод о том, что установление, продление, ограничение, соблюдение или несоблюдение срока, сознательно и целенаправленно совершаемые человеком (и, безусловно, зависимые от воли человека), представляют собой элементы состава юридического факта. Эти элементы не могут рассматриваться в качестве самостоятельных юридических фактов, поскольку сами по себе никаких юридических последствий не порождают.

В то же время доказывается, что наступление срока есть самостоятельное юридическое событие, которое следует относить к относительным юридическим

события: оно вызвано деятельностью человека, но происходит независимо от воли человека.

Во второй части диссертационного исследования в двух главах изложены общие положения о процессуальных юридических фактах.

В главе 1 **«Процессуальный факт и процессуальный состав»** обоснованы следующие выводы.

1. Констатируются принципиальные отличия гражданского права, являющегося частным правом, от процессуального права, являющегося правом публичным. При этом отмечается, что гражданско-правовые отношения есть отношения между равными участниками гражданского оборота, тогда как процессуально-правовые отношения традиционно характеризуются как обладающие властной природой, носящие характер властеотношений. Кроме того, обозначаются различия в юридическом содержании, структуре и субъектном составе названных правовых отношений.

Подчеркивается, что поведение (действия) участников судебного процесса по реализации принадлежащих им процессуальных прав и обязанностей осуществляется в форме процедуры (как формы существования процессуальных отношений). И сделан вывод о том, что именно форма существования процессуального правоотношения – процедура – во многом обуславливает специфику этого правоотношения.

2. Проведенное исследование позволило заключить, что получившее широкое распространение определение гражданского процессуального отношения как урегулированного нормами гражданского (или арбитражного) процессуального права общественного отношения, возникающего в связи и по поводу рассмотрения государственным судом юридического дела (или спора), слишком общё и не отражает особенностей этого правоотношения.

С учетом того, что судебный процесс по делам частноправового характера нацелен не на вообще разрешение юридического дела или спора, а на решение юридических дел, связанных с защитой нарушенных или оспариваемых прав и интересов частных лиц, уточнено определение понятия процессуального правоотношения. Под ним предлагается понимать урегулированное нормами процессуального права общественное отношение, возникающее при решении

юридического дела по защите субъективных гражданских прав и интересов частного лица.

3. В отечественной доктрине процессуального права принято выделять единое сложное (комплексное) процессуальное правоотношение, которое возникает применительно к судебному процессу по одному делу, и в его рамках – ряд элементарных процессуальных правоотношений, связывающих, в частности, суд и истца, суд и ответчика, суд и третьих лиц, суд и свидетелей, суд и эксперта.

С учетом данного положения доказывается недопустимость отождествления процессуального правоотношения с судебным производством по конкретному делу и необходимость отхода от позиции, согласно которой момент возникновения процессуального правоотношения следует считать момент возбуждения производства по делу. Такой вывод обосновывается следующим.

Производство по делу – есть только часть процедуры в государственном суде, которая следует за этапом, предусматривающим решение вопроса относительно принятия искового заявления и возбуждения производства по делу. Деятельность государственного суда по принятию искового заявления и возбуждению производства по делу, равно как и возвращение искового заявления, (1) осуществляется в рамках этой процедуры; (2) полностью подчинена нормам процессуального права, которое применительно к правовым моделям составляющих его действий определяет их процедурные последствия, а также (3) влечет процедурные последствия.

С учетом сказанного правоотношение государственного суда с истцом (заявителем), возникающее вследствие предъявления иска (подачи жалобы), следует рассматривать как элементарное процессуальное отношение, которое может положить начало возникновению единого сложного (комплексного) процессуального правоотношения. Но сложное процессуальное правоотношение возникает не во всех случаях: например, в ситуации предъявления иска и возвращения искового заявления государственным судом сложное процессуальное правоотношение не возникнет.

4. Исходя из проведенного ранее разграничения понятий «правовая модель обстоятельства» и «юридический факт» предложено новое определение

процессуального факта, базирующееся на понимании его как реального (совершенного) действия либо бездействия. Его дефиниция подразумевает объединение таких признаков, как: (1) закрепление в норме процессуального права абстрактной модели этого действия или бездействия, с осуществлением которого связываются определенные процедурные последствия; (2) фактическое его совершение; (3) возможность самостоятельно порождать процедурные последствия.

С учетом сказанного процессуальный факт определяется как реальное действие (бездействие) участника судебного процесса, с правовой моделью которого процессуальное право связывает определенные процедурные последствия и фактическое осуществление которого влечет соответствующие последствия применительно к элементарному процессуальному отношению или сложному процессуальному правоотношению.

5. В настоящем диссертационном исследовании излагаются доводы в поддержку недопустимости причисления событий к числу процессуальных фактов. Эта позиция обусловлена тем, что события, как обстоятельства, не зависящие от воли человека, не могут рассматриваться в качестве процессуальных фактов: события приобретают значение только в соединении с процессуальными действиями, а следовательно, не имеют значения самостоятельных процессуальных фактов, которые способны влечь наступление процедурных последствий.

6. Проведенные исследования стали основанием для вывода о неправильности получившего практически всеобщее признание подхода, в силу которого один процессуальный факт является процедурным последствием другого процессуального факта. Обосновывая данный вывод, следует указать следующее.

В рамках судебного процесса как формы существования процессуального правоотношения, предусматривающей поэтапное осуществление процессуальной деятельности, действие одного участника судебного процесса, действительно, влечет за собой действие другого его участника, поскольку судебный процесс складывается из последовательно совершаемых действий. Но эта последовательность свойственна судебному процессу как форме процессуальных правоотношений и является отличительной чертой самой

формы существования правоотношения, никак не характеризуя процессуальные факты.

Применительно к процессуальному правоотношению как первое, так и второе названное процессуальное действие есть самостоятельный процессуальный факт, каждый из которых влечет соответствующие процедурные последствия. Поскольку процессуальный факт не может расцениваться как процедурное последствие, признавать процедурным последствием одного процессуального действия совершение другого процессуального действия нет оснований.

7. Результатом анализа возможных процедурных последствий процессуальных фактов является вывод о том, что к процедурным последствиям следует относить: (1) движение процессуального правоотношения (элементарного процессуального отношения или сложного процессуального отношения), включающее его возникновение, изменение и прекращение; (2) последствия реализации процессуальной правосубъектности или компетенции государственного суда, которые влекут не движение процессуального правоотношения, а его функционирование, нормальное развертывание (вследствие чего нормы процессуального права, упоминающие правовые модели таких действий, не всегда четко определяют модели их процедурных последствий); (3) последствия защиты нарушенных процессуальных прав.

8. С учетом ранее сформулированного определения состава юридического факта гражданского права в настоящем исследовании дана новая дефиниция понятия состава процессуального факта, под которым понимается процессуальное действие в единстве с его признаками, свойствами, качествами, характеристиками или их совокупностью, требование о которых вытекает из нормы процессуального права и в зависимости от наличия которых оно влечет те или иные процедурные последствия.

Такое понимание состава процессуального факта обосновывает заключение о неверности трактовки подведомственности и подсудности в качестве самостоятельных процессуальных фактов (производных юридических фактов): подведомственность, равно как и подсудность, представляют собой элементы процессуального факта.

9. В настоящем исследовании сделан вывод о том, что под процессуальным составом следует понимать совокупность процессуальных фактов, которая в силу нормы права необходима для наступления процедурных последствий, причем юридические факты гражданского права не могут входить в процессуальный состав.

С учетом выводов, сделанных применительно к юридическому составу, подчеркивается, что процессуальный состав включает в себя два и более составов процессуальных фактов. Все признаки, свойства, качества и пр., относящиеся к каждому процессуальному факту, рассматриваются как элементы состава каждого процессуального факта и самостоятельного юридического значения не приобретают. И только при условии соответствия каждого из составов процессуального факта предъявляемым к нему требованиям будет иметь место образование процессуального состава.

10. Проведенное исследование позволило обосновать ошибочность тезиса о том, что юридический факт гражданского права, а также процессуальное правоотношение могут рассматриваться в качестве процессуального юридического факта. При этом была произведена классификация предпосылок наступления процедурных последствий, позволившая выделить общие и частные предпосылки.

Общие предпосылки наступления процедурных последствий представляют собой такие правовые явления, которые признаются нормами процессуального права общими (и обязательными) компонентами для наступления процедурных последствий вследствие состоявшегося процессуального факта. В их число входят: (1) норма процессуального права, которая устанавливает правовую модель обстоятельства и предусматривает последствия его наступления; (2) процессуальная правосубъектность участвующих в деле лиц (объединяющая процессуальные правоспособность и дееспособность); (3) компетенция государственного суда (как круг установленных законом властных полномочий органов государства, должностных лиц и иных организаций, которые в то же время являются их обязанностями); (4) нередко – процессуальное правоотношение, которое как и предыдущие общие предпосылки не может само по себе породить процедурные последствия; (5) юридические факты

гражданского права, которые не могут оказывать прямого воздействия на процессуальные отношения.

Частная предпосылка наступления процедурных последствий – процессуальный факт или процессуальный состав. Процедурные последствия наступают только в результате взаимодействия трех первых общих предпосылок (нередко в совокупности с четвертой общей предпосылкой) с частной предпосылкой. В отсутствие частной предпосылки процедурные последствия не наступают: общие предпосылки ни самостоятельно, ни в совокупности не могут влечь процедурных последствий. В то же время в отсутствие необходимых общих предпосылок никакое обстоятельство не может влечь процедурных последствий.

11. Обоснована позиция, согласно которой (как и при формировании юридического состава) процессуальным составам свойственен как эффект поглощения одного элемента другим, так и эффект накопления элементов.

В главе 2 «Классификации процессуальных фактов» обоснованы следующие выводы.

1. Как и применительно к юридическим фактам гражданского права, в настоящем исследовании обосновывается недопустимость классификации процессуальных фактов на положительные и отрицательные. Это обусловлено тем, что подобного рода подразделение разграничивает не процессуальные факты (реальные жизненные обстоятельства), и даже не правовые модели этих обстоятельств, а является градацией норм права в зависимости от способа их выражения.

2. Анализ классификации процессуальных фактов по субъектному составу (на действия участвующих в деле лиц и действия суда) потребовал критического переосмысления тезиса о диспозитивном начале (принципе диспозитивности) в методе цивилистического процессуального права, который понимается как возможность участвующих в деле лиц, и в первую очередь сторон, распоряжаться своими материальными и процессуальными правами.

Такое толкование принципа диспозитивности нуждается в уточнении, как и вообще выводы о диспозитивном начале метода процессуального права.

Прежде всего это обусловлено тем, что в ситуации, когда одно из участвующих в деле лиц реализует свои возможности по распоряжению

объектом процесса, задействуется категория материальной (гражданской) диспозитивности, которая содержится в нормах гражданского, а не процессуального права. В то же время формальная диспозитивность (как предоставленная законом возможность возбудить судебный процесс) задействуется в тех случаях, когда стороны процесса пользуются процессуальными правами и используют предоставленные им процессуальные возможности, причем формальная диспозитивность проявляется лишь в качестве двигательного начала в судебном процессе.

Изложенное с учетом характеристики процессуальных отношений как властеотношений, а процессуального права как права публичного, не позволяет поддержать заключение о принципе диспозитивности применительно ко всему арбитражному и гражданскому процессуальному праву: в целом процессуальное право характеризуется императивным методом регулирования. В то же время специфика процессуальных правоотношений позволяет поддержать ранее высказываемую, но сегодня практически отвергаемую позицию о значимости принципа формальной диспозитивности исключительно как определяющего двигательное начало в судебном процессе.

3. Изучение классификации процессуальных фактов по степени согласования воли субъектов, в силу которой процессуальные факты предлагается подразделять на односторонние и двусторонние волеизъявления, дало основание для вывода о неверности произведенной градации.

Большинство процессуальных действий – это, как правило, односторонние волеизъявления лиц, участвующих в деле. Однако и в тех случаях, когда стороны по делу совершают совместное процессуальное действие, это действие является не двусторонним (в котором волеизъявления, носят взаимно направленный (встречный) характер и, совпадая, образуют единый волевой акт), а односторонним (в котором волеизъявления, носят сонаправленный характер и всегда адресованы государственному суду).

Такое положение объясняется тем, что одной из сторон всякого процессуального отношения, как неоднократно указывалось ранее, является государственный суд, тогда как между участвующими в деле лицами процессуальные правоотношения отсутствуют.

Вместе с тем изложенное не свидетельствует об обязательности отказа от классификации по степени согласования воли субъектов. Но в рамках данной градации следует выделять односторонние волеизъявления, совершаемые одним участвующим в деле лицом, и односторонние волеизъявления, совершаемые несколькими лицами, интерес которых направлен к общей цели.

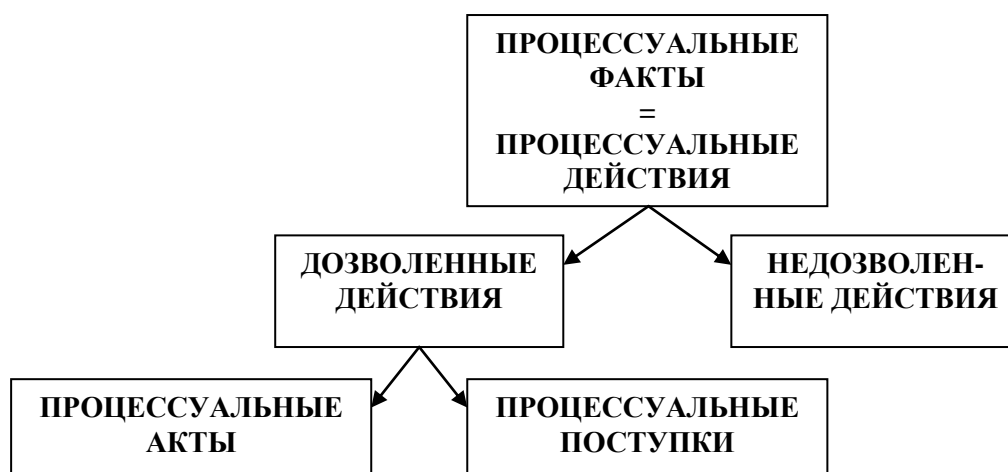
4. Классификация процессуальных фактов по «волевому» критерию основана на постулате, согласно которому процессуальные факты – это всегда процессуальные действия, причем действия односторонние. В зависимости от соответствия изъявлений воли общим требованиям процессуального права процессуальные действия подразделяются на: (1) дозволенные действия, как действия, полностью соответствующие требованиям норм процессуального права, и (2) недозволенные действия.

К недозволенным процессуальным действиям следует относить процессуальные правонарушения – действия, нарушающие право частного лица на суд (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), на судебную защиту (ст. 46 Конституции). С учетом положений, сформулированных в главе 1 части второй работы, о процессуальном нарушении можно говорить в ситуации неполного состава процессуального факта, совершенного государственным судом, или его уклонении от совершения процессуального действия, а также при злоупотреблении процессуальными правами участвующими в деле лицами.

В то же время в ситуации неполного состава процессуального действия лица, оказывающего содействие в осуществлении правосудия, речь должна вестись о несостоявшемся (ненаступившем) юридическом факте, а в случае неполного состава процессуального действия участвующего в деле лица – лишь о дефектности процессуального факта.

Дозволенные действия подразделяются в зависимости от направленности воли на процедурные последствия на: (1) процессуальные акты и (2) процессуальные поступки.

Наглядно эта классификация может быть представлена в следующей схеме:

5. Проведенное исследование позволило в классификации процессуальных фактов по «волевому» критерию уточнить содержание понятий «процессуальные акты» и «процессуальные поступки».

Исходя из обоснованного ранее подразделения процедурных последствий под процессуальными актами предлагается понимать действия, направленные на движение процессуального правоотношения, тогда как под процессуальными поступками – действия, направленные на реализацию процессуальной правосубъектности или компетенции государственного суда и защиту нарушенных процессуальных прав.

6. Сопоставительный анализ процессуальных фактов, значимых для арбитражной процедуры и судебного процесса в государственном суде, позволил сделать следующие выводы.

Несмотря на разграничение науки процессуального права и науки об арбитраже, наличие отличий в судебном процессе и арбитражной процедуре, различий – в процессуальных отношениях, носящих публично-правовой характер, и процедурных отношениях в арбитраже (являющихся частноправовыми), юридические факты, значимые в рамках упомянутых процедур, не различаются принципиально. Процессуальными фактами в рамках арбитража будут признаваться только действия (и бездействие) арбитража и спорящих сторон, тогда как события не рассматриваются в качестве самостоятельных процессуальных фактов.

Вместе с тем процессуальные факты в рамках судебного процесса и арбитража, совпадающие по своей сущности, нередко различаются по

содержанию и значимости для процедуры (судебного процесса и арбитражной процедуры).

Кроме того, анализ общих предпосылок наступления процедурных последствий в рамках арбитража позволил сделать вывод о существовании отличий с общими предпосылками наступления процедурных последствий в рамках судебного процесса.

Первой общей предпосылкой наступления процедурных последствий в рамках судебного процесса является норма процессуального права, в рамках арбитража – норма законодательства об арбитраже. Вторая общая предпосылка в рамках судебного процесса – это процессуальная правосубъектность участвующих в деле лиц, в рамках арбитража – процедурная правосубъектность спорящих сторон. Третья общая предпосылка в рамках судебного процесса – компетенция государственного суда; в рамках арбитража – процедурная правосубъектность арбитража, которая объясняется тем, что законодательство наделяет арбитраж не компетенцией (компетенция арбитража следует лишь из действительного арбитражного соглашения), а процедурной правосубъектностью – способностью иметь процедурные права и обязанности и самостоятельно совершать различного рода действия, влекущие наступление процедурных последствий. Четвертой общей предпосылкой наступления процедурных последствий в рамках судебного процесса является процессуальное правоотношение, в рамках арбитража – процедурное правоотношение. Пятая общая предпосылка наступления процедурных последствий и в рамках судебного процесса, и в рамках арбитража – это юридические факты гражданского права.

Важно заметить, что для арбитражной процедуры в любом случае является обязательным такой юридический факт гражданского права (в качестве пятой общей предпосылки) как арбитражное соглашение.

Данное соглашение является не процессуальным фактом, который непосредственно влечет возникновение процедурного правоотношения в арбитраже, как обычно ошибочно указывается, а юридическим фактом гражданского права – гражданско-правовой сделкой, направленной на защиту права (на уточнение юрисдикционной формы защиты прав).

В то же время непосредственным процессуальным фактом, влекущим возникновение элементарных процедурных отношений в рамках арбитража, является предъявление иска: возникновение элементарного процедурного правоотношения арбитража с истцом есть процедурное последствие предъявления иска.

В третьей части диссертационного исследования в двух главах изложены концептуальные основы взаимодействия теорий юридических фактов гражданского и процессуального права.

В главе 1 «**Взаимодействие теорий при их разработке**» обоснованы следующие выводы.

1. Используемый в настоящей работе сопоставительный метод исследования теорий юридических фактов гражданского и процессуального права создает двойственный результат. С одной стороны, применение данного метода позволяет обнаружить несоответствие между рассматриваемыми отраслевыми теориями юридических фактов, которое является отражением специфики исследуемых юридических фактов, что в конечном счете способствует саморазвитию (самодвижению) этих теорий. С другой – создает предпосылки для взаимодействия анализируемых теорий (то есть взаимного влияния друг на друга), что приводит к их взаимообогащению и развитию.

2. Оценивая итоги взаимодействия отраслевых теорий юридических фактов, следует учитывать различные аспекты такого влияния.

В первую очередь взаимодействие теорий юридических фактов гражданского и процессуального права проявляется применительно к общей для них области приложения – области судебной защиты субъективных гражданских прав. Но результаты взаимодействия рассматриваемых отраслевых теорий проявляются не только применительно к названной области: с учетом того, что проводимое в сопоставительном аспекте исследование не ограничено анализом только некоторых различий в отдельных категориях и правовых конструкциях, взаимодействие этих теорий создает предпосылки для взаимного обогащения и развития теорий в целом.

3. Плодом взаимодействия теорий юридических фактов гражданского и процессуального права является также и создание возможности для использования результатов, полученных при разработке отраслевых теорий, для

подтверждения или опровержения общетеоретических выводов или выдвижения и обоснования новых положений, значимых для общей теории юридических фактов.

Так, проведенные исследования позволили сделать вывод о неверности общего определения юридического факта как реального жизненного обстоятельства, с которым нормы права связывают наступление юридических последствий, поскольку в таком определении смешиваются две различные по своей юридической природе категории. С целью создания правильных представлений о содержании и значении юридического факта, было предложено разграничить понятия «правовая модель обстоятельства» (абстрактное обстоятельство, указание на которое содержится в норме права и с которым норма права связывает возможность наступления определенных последствий) и «юридический факт» (реально наступившее обстоятельство, подпадающее под действие соответствующей нормы права).

С учетом сформулированных в настоящем исследовании «отраслевых» понятий юридического факта, юридический факт определен как реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого норма права связывает наступление определенных последствий. Такая формулировка позволяет увидеть действительное содержание определяемого понятия, обозначить его основные характерные черты, систематизировать юридический факт в зависимости от действительно характерных для него признаков.

В главе 2 «**Применение теорий во взаимодействии**» обоснованы следующие выводы.

1. Под взаимодействием отраслевых теорий при их применении понимается их комплексное использование для цели определения правовой природы юридических фактов, что необходимо для решения конкретных задач, встающих перед отечественной правовой наукой и правоприменительной практикой. Значимость такого применения анализируемых теорий проявляется при определении юридических последствий наступившего юридического факта в ситуации неоднозначности отраслевой принадлежности этого факта. Научная ценность использования теорий юридических фактов гражданского и процессуального права в их взаимодействии состоит в том, что позволяет решить ряд теоретических вопросов, стоящих «на стыке» цивилистики и науки

процессуального права, а также теории юридических фактов и других разделов юридической науки.

2. В рамках настоящего исследования на основании предлагаемого подхода применения отраслевых теорий юридических фактов во взаимодействии дан развернутый анализ правовой природы юридических фактов и юридического состава, правовая природа которых до сих пор не получила в литературе однозначной оценки (спор о праве, мировое соглашение, иск, возражение, судебное решение).

3. Применение теорий юридических фактов гражданского и процессуального права во взаимодействии дало основание заключить, что некоторые юридические факты имеют двойственную правовую природу и могут выступать одновременно и в качестве юридического факта гражданского права, и в качестве факта процессуального (иск, возражение, судебное решение). Это позволило выдвинуть идею о необходимости выделения группы юридических фактов особого рода (*sui generis*) – юридических фактов, которые влекут одновременно и гражданско-правовые, и процедурные последствия.

4. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что весьма схожие на первый взгляд реальные жизненные обстоятельства могут получить принципиально разную юридическую квалификацию с позиций рассматриваемых отраслевых теорий юридических фактов. Данный феномен был рассмотрен на примере градации ряда соглашений (арбитражного соглашения, соглашения о подсудности, мирового соглашения, соглашения о претензионном порядке и др.) на две группы: процессуальные соглашения и гражданско-правовые соглашения о защите прав.

В заключении изложено следующее.

На основании всестороннего исследования проблематики юридических фактов гражданского права и процессуальных фактов в сопоставительном аспекте были сформулированы положения, в которых получили воплощение новые для российской цивилистики и теории процессуального права идеи и решения, которые не были предметом специального научного анализа в российской правовой доктрине.

Так, были выявлены и систематизированы правовые последствия юридических фактов гражданского права и процессуальных юридических

фактов, систематизированы общие предпосылки наступления юридических и процедурных последствий, а также частные основы наступления этих последствий, определены эффекты юридического и процессуального состава, выдвинута идея о существовании фактов особого рода (*sui generis*), влекущих правовой результат и в сфере гражданских, и в сфере процессуальных правоотношений.

Автором исследования была проведена ревизия общепризнанной на сегодняшний день «волевой» классификации юридических фактов и сформирована ее новая концепция, построенная на едином критерии зависимости от наличия проявления воли. В рамках этой концепции, например, разграничение фактов на правомерные и неправомерные действия было предложено заменить делением на дозволенные и недозволенные действия (в зависимости от соответствия воли общим дозволениям права), была дана подробная характеристика групп дозволенных и недозволенных действий, юридические поступки и результативные действия, как юридические факты, получили иную (не совпадающую с распространенной) характеристику.

Оригинальную разработку получил ряд иных проблем, которые уже были предметом анализа в российской правовой доктрине. Так, дано новое по своей сути определение понятий юридического и процессуального факта, по-иному определены состав юридического факта и состав процессуального факта, соотнесены состав юридического факта и юридический состав, а также состав процессуального факта и процессуальный состав, дана оценка различным классификациям юридических и процессуальных фактов. В работе сформулированы новые дефиниции юридического факта, спора о праве гражданском (и определена его правовая природа), а также дана правовая характеристика форм, способов и средств защиты прав и интересов частных лиц.

Проведенное исследование также позволило, например, подробно аргументировать недопустимость классификации по форме проявления юридических фактов на положительные и отрицательные (поскольку данная классификация представляет собой разграничение не юридических фактов, а норм права в зависимости от способа их выражения), дать новую трактовку разделения юридических фактов на факты однократного действия и факты-состояния, по-новому характеризовать такие юридические события, как

наступление срока и ошибка. В настоящем исследовании получили дополнительное обоснование выводы о недопустимости признания события процессуальным фактом, непозволительности трактовки одного процессуального действия в качестве процедурного последствия другого процессуального действия, недопустимости признания юридического факта гражданского права непосредственно влекущим процедурные последствия.

Кроме того, была выявлена целевая направленность судебного процесса и дана комплексная характеристика процессуального правоотношения в форме судебного процесса, что позволило дать дополнительную аргументацию разграничению процессуальных правоотношений на сложные и элементарные, а также обозначить теоретическую и практическую значимость этого разграничения. При этом в настоящем исследовании было обосновано заключение, согласно которому моментом возникновения процессуального правоотношения следует признавать факт предъявления иска в суд, а не момент возбуждения производства по делу.

Также в настоящем исследовании проведено разграничение юридических фактов на дефектные, несостоявшиеся и недействительные, обоснована принципиальная недопустимость трактовки всякого правоотношения в качестве юридического или процессуального факта, даны классификации видов юридических составов и процессуальных составов, оценены многообразные функции юридических и процессуальных фактов. Кроме того, было обосновано разграничение процессуальных действий на дефектные, несостоявшиеся и действия-нарушения (злоупотребления процессуальными правами со сторон участвующих в деле лиц и процессуальные нарушения суда, приводящие к нарушению п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 46 Конституции РФ).

Помимо указанного в настоящем исследовании проанализированы различия судебного процесса в государственном суде и арбитражной процедуры, которые обосновывают преимущества арбитража перед рассмотрением дела в государственном суде, проведено сопоставление процессуальных правоотношений в форме судебного процесса и процедурных отношений в форме арбитражной процедуры. Анализ особенностей правовой природы арбитража позволил обозначить особенности процессуальных фактов в

арбитражной процедуре, общих предпосылок и частных основ наступления процедурных последствий в рамках арбитража, а также дать характеристику некоторых правовых категорий, исходя из частноправовой природы арбитража.

Проведенное исследование позволило обосновать необходимость проведения междисциплинарных разработок по проблемам юридических фактов гражданского и процессуального права в сопоставительном аспекте. Такой подход признан способствующим взаимному обогащению названных теорий, а также их самодвижению.

Формулирование концептуальных основ взаимодействия теорий юридических фактов гражданского и процессуального права предопределило необходимость подробного рассмотрения юридических фактов, значимых и для цивилистики, и для теории процессуального права: это, в частности, спор о праве, предъявление иска, мировое соглашение, возражение, исковое требование. Кроме того, оценку получили возможности частных лиц по уточнению и конкретизации форм, способов и средств защиты прав посредством заключения двусторонней гражданско-правовой сделки, а также допустимость совершения процессуального соглашения.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ

Всего диссертантом опубликовано более 140 научных работ, общий объем которых превышает 360 печатных листов. Из них по теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Монографии:

1. Основные понятия арбитражного процессуального права. М.: Статут, 2003. – 400 с. (25 п.л.).
2. Мировое соглашение в исковом производстве и на стадии исполнения (по материалам судебной практики). Приложение к журналу «Хозяйство и право». М., 2003. – 63 с. (6,2 п.л.).
3. Судебный акт и динамика обязательства. М.: Статут, 2003. – 140 с. (9 п.л.).
4. Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2004. – 348 с. (22 п.л.).

5. Новые правила обращения в Европейский Суд по правам человека: текст Регламента, новеллы, комментарии (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым). М.: Статут, 2004. – 256 с. (16 п.л.).

6. Разрешение и урегулирование коммерческих споров. Приложение к журналу «Хозяйство и право». М., 2005. – 46 с. (3,5 п.л.).

7. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М.: Статут, 2005. – 572 с. (36 п.л.).

8. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. – 416 с. (26 п.л.).

9. Разрешение и урегулирование коммерческих споров. Исполнение судебных актов. М.: Европейская комиссия, 2006. – 140 с. (8,75 п.л.).

10. Юридические факты в гражданском праве. Приложение к журналу «Хозяйство и право». М., 2006. – 80 с. (8,5 п.л.).

11. Правила оформления, предъявления и рассмотрения претензий. Приложение к журналу «Хозяйство и право». М., 2008. – 64 с. (6,2 п.л.).

12. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения (в соавторстве с Н.Г. Елисеевым, О.Ю. Скворцовым). М.: Статут, 2008. – 528 с. (33 п.л.).

13. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения / Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2009. – 332 с. (21 п.л.).

2. Научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

14. Предмет и основание иска в судебно-арбитражном процессе // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 9. С. 106–110 (0,3 п.л.).

15. Некоторые аспекты процесса доказывания по делам о возмещении вреда // Хозяйство и право. 2000. № 9. С. 122–128 (0,5 п.л.).

16. Разграничение подведомственности споров, связанных с защитой исключительных прав (интеллектуальной собственности) // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 1. С. 5–9 (0,5 п.л.).

17. Обеспечение иска в арбитражном процессе (по спорам о защите интеллектуальной собственности) // Юрист. 2001. № 1. С. 10–15 (0,5 п.л.).
18. Подведомственность споров, связанных с защитой исключительных прав // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 25–27 (0,2 п.л.).
19. Преобразовательные иски // Законодательство. 2001. № 3. С. 66–71 (0,5 п.л.).
20. Отдельные аспекты доказывания существенного изменения обстоятельств (по статье 451 ГК РФ) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 4. С. 98–104 (0,5 п.л.).
21. Судебный акт как юридический факт // Законодательство. 2001. № 5. С. 69–73 (0,4 п.л.).
22. К вопросу об обязательствах и основаниях их возникновения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 6. С. 69–85 (1,3 п.л.).
23. Защита законного интереса в арбитражном суде // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 53–59 (0,5 п.л.).
24. Актуальные вопросы арбитражного процессуального права: соотношение гражданского и арбитражного процесса, понятие гражданского дела, диспозитивность в арбитражном процессе // Законодательство. 2001. № 10. С. 49–59 (1 п.л.).
25. Об источнике повышенной опасности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 2. С. 88–100 (0,9 п.л.).
26. Возражения (процессуальный и материальный аспекты) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 6. С. 97–106 (0,7 п.л.).
27. Понятие судебного решения в контексте статьи 8 ГК РФ // Хозяйство и право. 2002. № 6. С. 53–64 (1 п.л.).
28. Мирная сделка в предпринимательских отношениях // Законодательство. 2002. № 9. С. 6–17 (1,1 п.л.).
29. К вопросу об иске, изменении его предмета и основания // Хозяйство и право. 2002. № 11. С. 78–91 (1 п.л.).
30. «Заинтересованное лицо» в новом АПК // Закон. 2003. № 1. С. 107–110 (1 п.л.).

31. Особое производство в арбитражном суде // Хозяйство и право. 2003. № 3. С. 62–71 (0,7 п.л.).

32. К вопросу о силе судебных актов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 5 С. 69–78 (0,7 п.л.): ч. 1 «О соотношении преюдиции и обязательности судебных актов»; ч. 2 «Признание судом сделки недействительной как вновь открывшееся обстоятельство» (в соавторстве с Л.А. Новоселовой).

33. Разграничение исков по содержанию // Закон. 2003. № 6. С. 8–13 (0,8 п.л.).

34. Мировое соглашение в арбитражном суде // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 9. С. 100–112; № 10. С. 132–144 (1,9 п.л.).

35. Материальные и процессуальные соглашения, поименованные в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации // Хозяйство и право. 2004. № 1. С. 75–87 (1,2 п.л.).

36. Мировое соглашение в процедуре банкротства // Законодательство. 2004. № 2. С. 22–27 (0,5 п.л.).

37. Обращение коммерческих организаций в Европейский Суд по правам человека (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Хозяйство и право. № 8. С. 106–125 (1,7 п.л.).

38. О некоторых вопросах принудительного исполнения решений третейских судов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 9 С. 168–176 (0,5 п.л.).

39. Предварительные меры, принимаемые Европейским Судом по правам человека (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Законодательство. 2004. № 9. С. 56–60 (0,4 п.л.).

40. Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 98–102 (0,3 п.л.).

41. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 9 С. 136–148 (0,8 п.л.).

42. Внедоговорное обязательство по уплате процентов за пользование чужими денежными средствами // Хозяйство и право. 2005. № 9. С. 105–110 (0,5 п.л.).

43. О перспективах внесудебного урегулирования споров и принудительного исполнения внесудебной мировой сделки // *Хозяйство и право*. 2006. № 1. С. 66–70 (0,4 п.л.).

44. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // *Журнал российского права*. 2006. № 1. С. 19–29 (0,75 п.л.).

45. Об определениях арбитражного суда (их обжаловании, вступлении в законную силу и приобретаемых свойствах) // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2006. № 3. С. 204–217 (1 п.л.).

46. К вопросу о понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского Суда по правам человека // *Журнал российского права*. 2006. № 12. С. 58–65 (0,75 п.л.).

47. Правоположения Европейского суда по правам человека их значимость для арбитражных судов Российской Федерации (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // *Хозяйство и право*. 2007. № 3. С. 45–53, № 4. С. 75–88 (1,8 п.л.).

48. И вновь о групповых и косвенных исках // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2007. № 5. С. 19–36 (1,1 п.л.).

49. Словосочетание «корпоративные споры» как препятствие разграничению компетенции судов // *Закон*. 2007. № 6 (июнь). С. 135–143 (1 п.л.).

50. О компетенции арбитражных судов в отношении «корпоративных споров» // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2007. № 8. С. 16–21 (0,5 п.л.).

51. Кто такой примиритель и нужен ли ему «свой» закон? // *Закон*. 2007. № 11 (ноябрь). С. 173–187 (1,5 п.л.).

52. Особое мнение судьи арбитражного суда // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2008. № 3. С. 4–15 (0,8 п.л.).

53. Безвозмездная передача имущества внутри холдинга: дарение или финансирование? // *Закон*. 2008. № 6. С. 85–88 (0,35 п.л.).

54. К вопросу об объявлении судебного решения (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2008. № 8. С. 6–17 (0,8 п.л.).

55. Нормы Гражданского кодекса: суд должен или может? // *Закон*. 2008. № 8. С. 145–148 (0,3 п.л.).

56. Ответственность государства в практике Европейского суда по правам человека (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 89–94 (0,6 п.л.).

57. Содержание судебного решения по германскому и российскому праву (В соавторстве с В.А. Фогелем, С.Г. Шмидтом) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 2. С. 68–107 (2,2 п.л.).

58. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Закон. 2009. № 3. С. 212–218 (0,7 п.л.).

59. К вопросу о месте института третейского разбирательства в системе российского права // Третейский суд. 2009. № 5. С. 60–66 (0,5 п.л.).

60. Об оптимизации правосудия и ее частном случае – компенсации за чрезмерную длительность судебного разбирательства и исполнения судебного решения // Закон. 2009. № 11. С. 43-53 (1 п.л.).

3. Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

61. Судебная подведомственность на современном этапе // Арбитражная практика. 2001. № 6. С. 21–24 (0,4 п.л.).

62. Обеспечение иска в проекте нового АПК РФ // Арбитражная практика. 2002. № 1. С. 4–9 (0,6 п.л.).

63. Путем взаимных уступок // эж-Юрист. 2002. № 24 (июнь). С. 3 (0,4 п.л.).

64. К вопросу об изменении и прекращении обязательств // Арбитражная практика. 2002. № 7. С. 7–16 (1,1 п.л.).

65. К вопросу о динамике обязательств // СПС «КонсультантПлюс» (1,1 п.л.).

66. Сделка с миром // эж-Юрист. 2002. № 28 (июль). С. 6–7. (0,6 п.л.).

67. Не бойтесь уступать! // эж-Юрист. 2002. № 37 (сентябрь). С. 2–3 (0,5 п.л.).

68. Требование о признании в арбитражном процессе // Арбитражная практика. 2002. № 11. С. 19–26 (0,8 п.л.).

69. Признать, присудить, преобразовать // эж-Юрист. 2002. № 46 (ноябрь). С. 9 (0,5 п.л.).

70. Обеспечительные меры арбитражного суда // СПС «КонсультантПлюс» (0,8 п.л.).

71. К вопросу о сторонах арбитражного процесса // Арбитражная практика. 2003. № 1. С. 55–58 (0,4 п.л.).

72. Недействительность сделок и налоговые обязанности (в соавторстве с Л.А. Новоселовой) // Арбитражная практика. 2003. № 3. С. 15–17 (0,2 п.л.).
73. Мирное при исполнении // эж-Юрист. 2003. № 14 (апрель). С. 6 (0,5 п.л.).
74. Бывают ли изменения существенны? // эж-Юрист. 2003. № 28 (июль). С. 3 (0,3 п.л.).
75. К вопросу о доказывании существенного изменения обстоятельств // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2003. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 77–83 (0,5 п.л.).
76. Компетентный суд по соглашению сторон // Третейский суд. 2004. № 1. С. 77–82 (0,3 п.л.).
77. Проценты годовых при неисполнении мирового соглашения // Арбитражная практика. 2004. № 2. С. 19–24 (0,6 п.л.).
78. К вопросу о возмещении расходов на оплату услуг представителя по соглашению сторон // Правосудие в Поволжье. 2004. № 2. С. 102–106 (0,3 п.л.).
79. Правосудие или альтернатива? // эж-Юрист. 2004. № 12 (март). С. 9 (0,4 п.л.).
80. К вопросу об установлении фактов, имеющих юридическое значение (в соавторстве с Л.А. Новоселовой) // Арбитражная практика. 2004. № 5. С. 3–7 (0,6 п.л.).
81. Мирная сделка в римском праве и российском дореволюционном гражданском праве // Вестник Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа. 2004. № 4 (май-июнь). С. 114–119 (0,5 п.л.).
82. Надзорные коллизии // эж-Юрист. 2004. № 28 (июль). С. 3 (0,25 п.л.).
83. Худой мир лучше доброй ссоры // Экономика и жизнь. 2004. № 31 (июль). С. 2–3 (0,6 п.л.).
84. Коридоры последней инстанции (устройство Европейского Суда по правам человека) (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Бизнес-адвокат. 2004. № 15 (август). С. 8–9 (0,6 п.л.).
85. Возможности разрешения и урегулирования коммерческих споров // Правосудие в Поволжье. 2004. № 5 (июль-август). С. 116–120 (0,4 п.л.).
86. О требованиях к индивидуальной жалобе, подаваемой в Европейский Суд по правам человека (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Арбитражная практика. 2004. № 9. С. 88–96 (1,2 п.л.).

87. Трудности третейского мира // Бизнес-адвокат. 2004. № 18 (сентябрь). С. 10 (0,3 п.л.)
88. К вопросу о правовой природе арбитражных соглашений // СПС «КонсультантПлюс». 2004. (0,9 п.л.)
89. Евростандарты для российского правосудия (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Бизнес-адвокат. 2004. № 21 (октябрь). С. 15 (0,25 п.л.)
90. Правовая неотложка // Домашний адвокат. 2004. № 21 (октябрь). С. 27–28 (0,25 п.л.)
91. Выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 11. / Под ред. В.Ф. Яковлева. М.: Юридическая литература, 2004. С. 212–220 (0,4 п.л.)
92. Мировое соглашение в Законе о третейских судах // Третейский суд. 2004 (ноябрь). № 5. С. 109–113 (0,3 п.л.)
93. Допустимость мировых соглашений в арбитражном суде // Арбитражная практика. 2004. № 12 С. 51–57 (1 п.л.)
94. К вопросу о недействительности коммерческих сделок // СПС «КонсультантПлюс». 2005. (0,5 п.л.)
95. Применение в коммерческом обороте мировой сделки // СПС «КонсультантПлюс». 2005. (25,8 п.л.)
96. Проблемы утверждения мировых соглашений в арбитражном суде (обзор судебно-арбитражной практики) // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 12 / Под ред. В.Ф. Яковлева. М.: Юридическая литература, 2005. С. 205–224 (1,2 п.л.)
97. Проблемы исполнения судебных решений по искам о возмещении вреда, причиненного государственными органами или их должностными лицами, исполнение которых предусмотрено за счет казны Российской Федерации (В соавторстве с Л.Ф. Лесницкой) // Комментарий судебной практики. Вып. 11. / Под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2005. С. 146–155 (0,7 п.л.)
98. АПК РФ и законопроект о посредничестве // Арбитражная практика. 2006. № 2. С. 65–68 (0,4 п.л.)

99. Об обжаловании решения общего собрания акционеров лицом, более не являющимся его акционером (В соавторстве с Л.А. Новоселовой) // Корпоративные споры. 2006. № 2. С. 100–103 (0,4 п.л.).

100. Недействительность дозволенных и недозволенных действий (юридический очерк) // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 7–57 (2,6 п.л.)

101. Спорные моменты по делам об оспаривании решений общих собраний акционеров (В соавторстве с Л.А. Новоселовой) // Арбитражная практика. 2006. № 5. С. 59–65 (0,75 п.л.).

102. Обеспечительные меры иностранного суда // эж-Юрист. 2006. № 30 (август). С. 9 (0,4 п.л.).

103. Претензия и иск: общие грани // Иск в гражданском и арбитражном процессах: Сборник статей. Труды ИГП РАН № 1/2006 / Отв. ред. Т.Е. Абова, Е.А. Виноградова. 2006. С. 109–122 (0,5 п.л.).

104. Проблемы возмещения расходов на оплату услуг представителей и иных судебных убытков // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 561–608 (2,4 п.л.).

105. Оспаривание сделки по основаниям статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации (В соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Комментарий судебной практики. Вып. 12 / Под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2006. С. 31–38 (1 п.л.).

106. Европейский Суд по правам человека и значимость его практики для арбитражных судов РФ // Процессуальное право и альтернативные способы разрешения споров. Сборник статей. М.: Издание Европейской комиссии, 2006. С. 100–124 (1 п.л.).

107. Понятие «имущество» в правоположениях Европейского Суда по правам человека // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 95–112 (1 п.л.).

108. Что будет с АПК РФ? // эж-Юрист. 2007. № 18 (май). С. 5 (0,3 п.л.).

109. Корпоративные загадки // эж-Юрист. 2007. № 19 (май). С. 7 (0,3 п.л.).

110. Комментарий к обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение // Практика

рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 1 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова; Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2007. С. 130–157 (1,2 п.л.).

111. Пороки процессуального соучастия // эж-Юрист. 2007. № 21 (май). (0,3 п.л.).

112. Исполнение решений третейских судов: неожиданные трудности (В соавторстве с М.П. Титиевской, А.П. Ясинской) // Третейский суд. 2007. № 3. С. 75–88 (0,5 п.л.).

113. Совершенствование порядка рассмотрения дел по спорам, связанным с предпринимательской или иной экономической деятельностью, организацией управления, членством или участием в капитале организаций // Корпорации и учреждения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 267–337 (4 п.л.).

114. О понятии «собственность» в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в практике Европейского суда по правам человека (тезисы доклада) // Актуальные проблемы права собственности. Материалы научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся (Москва, 25 октября 2006 г.). М.: Юриспруденция, 2007. С. 27–35 (0,6 п.л.).

115. Отсутствие у представителя стороны полномочий на подписание мирового соглашения как основание для отмены определения об утверждении мирового соглашения в порядке надзора // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 14 / Под ред. В.Ф. Яковлева. М.: Юридическая литература, 2007. С. 177–182 (0,2 п.л.).

116. О некоторых чертах сходства мирового соглашения с соглашением, заключаемым по делам, возникающим из публичных правоотношений // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Отв. ред. Л.Ф. Лесницкая, М.А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 288–303 (0,8 п.л.).

117. Проблемы регулирования мирового соглашения в ГПК РФ // Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сборник научных статей. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 291–299 (0,5 п.л.).

118. Ординарные сделки и сделки, направленные на защиту прав // Сделки: проблемы теории и практики. Сборник статей / Рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2008. С. 432–468 (2 п.л.).

119. Комментарий к письму Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2003 г. № С1-7-УП-104 «К вопросу о публикации судебных актов арбитражных судов» // Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 4 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова; Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2008. С. 105–115 (0,5 п.л.).

120. Комментарий к информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» (в соавторстве с Д.В. Афанасьевым) // Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 5 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова; Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2008. С. 194–244 (2,9 п.л.).

121. Комментарий к постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 июня 1996 г. № 7 «Об утверждении регламента арбитражных судов» // Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 6 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова; Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2008. С. 128–134 (0,3 п.л.).

122. Действие соглашения о подсудности в условиях признанного незаключенным договора // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 15 / Под ред. В.Ф. Яковлева. М.: Юридическая литература, 2008. С. 229–236 (0,4 п.л.).

123. Теория процессуального договора в соотношении с концепцией сделок, направленных на защиту прав // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. СПб., 2008. С. 184–208 (2 п.л.).

124. Процессуальные договоры в третейском разбирательстве // Международный коммерческий арбитраж. 2008. № 4. С. 44–51 (0,6 п.л.).

125. Судебный прецедент и судебная практика // Иски и судебные решения. Сборник статей / Рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2009. С. 320–353 (2 п.л.).

126. Комментарий к информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июня 2000 г. № 54 «О сделках юридического лица, регистрация которого признана недействительной» (В соавторстве с Ю.А. Тарасенко) // Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 9 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова; Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2009. С. 195–204 (0,5 п.л.).

127. Комментарий к информационному письму Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 июля 1997 г. № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 10 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова; Иссл. центр частного права. М.: Статут, 2009. С. 184–213 (1,6 п.л.).

128. Коллизии претензионного порядка урегулирования спора. Какие последствия они влекут для компании // Юрист компании. 2009. № 5. С. 64–69 (0,3 п.л.).

129. Правовая категория процессуальных правоотношений в российской доктрине цивилистического процесса // Евразийский юридический журнал. 2009. № 9. С. 108–115 (0,8 п.л.).

130. Исполнение решений третейских судов. Какие препятствия ждут взыскателя при обращении за исполнительным листом // Юрист компании. 2009. № 10. С. 54–59 (0,3 п.л.).

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Рожкова Марина Александровна

тема диссертационного исследования

**ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ
ГРАЖДАНСКОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА:
ПОНЯТИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ, ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Научный консультант –
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
Витрянский Василий Владимирович

Изготовление оригинал-макета
Рожкова Марина Александровна

Подписано в печать 22 апреля 2010 г.
Тираж 100 экз. Усл. п.л. – 2,5
Отпечатано ОПМГ РАГС. Заказ № 164.
119606, г. Москва, пр. Вернадского, 84.